

Лу Чжиянь повернул кресло и уехал от двери гостевой комнаты. Сделанное на заказ электрическое кресло почти бесшумно скользило по мраморному полу виллы, зато раздражение внутри с каждым метром становилось всё сильнее.

Он вернулся в личный кабинет на втором этаже. Помещение было оформлено в современном минимализме: умный книжный шкаф во всю стену, огромный изогнутый монитор рабочего компьютера, кофемашина с поддержанием температуры и быстрым нагревом, панорамные окна с видом на центральный сад жилого комплекса. Здесь Лу Чжиянь работал и оставался наедине с собой.

Обычно стоило ему оказаться здесь, и он быстро сосредотачивался на делах. Сегодня же взгляд скользил по деловым отчётам на экране, но никак не мог зацепиться за строки. Перед глазами снова и снова возникала сцена из гостевой комнаты.

Бледное лицо Су Няньаня, покрасневшие влажные глаза, пальцы, намертво сжавшие сломанный деревянный оберег, худое тело, почти растворившееся в тени у стены, а рядом — самодовольные, издевательские лица тётушки Чжан и двух служанок. Всё это кололо сердце, как игла.

Лу Чжиянь много лет управлял семьёй Лу и держал в руках огромную часть деловых ресурсов. Больше всего он ненавидел подчинённых, которые пользуются чужим влиянием, дают слабых и заискивают перед сильными. Эта вилла принадлежала ему. Он мог не замечать Су Няньаня, мог считать его декорацией в коммерческом браке, но никому не позволял прикрываться его именем и творить что вздумается прямо у него под носом, попирая элементарные правила.

Как бы отстранённо он ни относился к Су Няньаню, подобное своеволие слуг нельзя было спускать. Они не должны были решить, что издеваться над номинальным супругом хозяина можно без последствий.

Лу Чжиянь коснулся кнопки умной внутренней связи на столе. Пальцы на мгновение замерли на холодной сенсорной панели, а затем вернулась привычная жёсткость.

Когда соединение установилось, он без всякого тепла, с властным давлением человека, привыкшего отдавать приказы, чётко произнёс:

— Старина Чэнь, тётушку Чжан и двух служанок, которые вместе с ней устроили этот цирк, немедленно перевести во двор ухаживать за растениями. Работать весь день на улице. Зарплату за этот месяц удержать полностью, не выдавать ни юаня.

Старый дворецкий на другом конце линии замер на пару секунд, затем сразу почтительно ответил.

Он служил Лу Чжияню больше десяти лет и прекрасно знал характер хозяина: холодный, жёсткий, расчётливый. Обычные ссоры между слугами тот никогда не разбираал, а теперь

назначил столь тяжёлое наказание из-за Су Няньяня. Значит, действительно разозлился.

Завершив разговор, Лу Чжиянь откинулся на кожаную спинку кресла и сжал пальцами ноющие виски.

Кофемашина сама приготовила американо. Над чашкой поднимался пар, густой аромат разливался по кабинету, но не мог развеять тяжесть внутри.

Он заставлял себя вернуться к работе, но чем сильнее старался, тем отчётливее видел беспомощного, униженного Су Няньяня.

Лу Чжиянь снова и снова убеждал себя: он всего лишь поддерживает порядок в доме и наказывает слуг, которые забыли своё место. С Су Няньянем это никак не связано.

Ему не нужно думать об обиде этого омеги, не нужно жалеть его и тем более не нужно показывать хоть каплю мягкости. Всё делается только ради порядка в семье Лу. И точка.

Но перед странным чувством в глубине сердца это самоубеждение выглядело особенно беспомощным.

К вечеру закат окрасил небо в мягкие оранжево-розовые тона. Золотистый свет проникал через панорамные окна коридора и ложился на пол, наполняя виллу тихим теплом.

Су Няньянь нёс стакан воды комнатной температуры и осторожно шёл вдоль стены коридора, возвращаясь в свою тесную комнату.

В руке он всё ещё крепко держал деревянный оберег, кое-как склеенный. Уродливая трещина пересекала его посередине, и даже после ремонта вещица уже никогда не становилась прежней, гладкой и целой.

От того, что он долго сжимал её, пальцы приобрели нездоровую синеватую бледность. Краснота в глазах ещё не прошла, нос всё время щипало, а обида никак не отступала, снова и снова накатывая волнами.

В понимании Су Няньяня недавнее молчание Лу Чжияня означало полное безразличие и молчаливое разрешение слугам издеваться над ним.

В этой роскошной вилле он не мог защитить даже единственную память о матери, не мог добиться даже одного справедливого слова. Ниже падать было некуда.

Когда он, опустив голову, быстро проходил мимо кабинета, раздался тихий звук электрического кресла. Лу Чжиянь как раз выехал из кабинета и оказался прямо перед ним.

Су Няньань испуганно застыл, тут же опустил голову так низко, что почти спрятал лицо, выпрямил спину и послушно прижался к стене, освобождая дорогу, словно напуганный зверёк.

Он не смел поднять глаза на Лу Чжияня, не смел издать ни звука и даже дышал едва заметно, боясь, что само его присутствие вызовет у холодного хозяина раздражение.

Кресло Лу Чжияня остановилось перед ним. Взгляд невольно прошёлся по покрасневшим уголкам глаз, по пальцам, сжимающим оберег, по старой хлопковой домашней одежде, выцветшей от стирок, и по слишком тонким, почти болезненно худым плечам.

Неконтролируемая мягкость мгновенно поднялась внутри, даже пальцы едва заметно согнулись.

Лу Чжиянь нахмурился, нарочито показал раздражение и отвращение и ледяным голосом бросил слова одно за другим, словно камни:

— Целыми днями ходишь с похоронным лицом. Кому это показываешь? Подумаешь, сломалась дешёвая деревяшка. Из-за такой мелочи развёл трагедию. Бесплезный. Смотреть противно.

Су Няньань опустил голову ещё ниже. В носу защипало, глаза мгновенно наполнились слезами, но он изо всех сил кусал нижнюю губу, не позволяя им пролиться.

Он думал, что если уж не будет защиты и утешения, то хотя бы не станет беспричинных упреков. Но и это оказалось слишком большой надеждой.

Су Няньань стиснул оберег. Трещина впивалась в ладонь до резкой боли, но она была ничтожной по сравнению с болью в груди.

Он едва заметно кивнул. Голос был тише комариного писка и дрожал от подавляемых рыданий:

— ...Простите, господин. Я понял.

Глядя на его безропотную покорность, Лу Чжиянь почувствовал ещё большее раздражение, но всё равно не произнёс ни слова. Он направил электрическое кресло вперёд и медленно проехал мимо, оставив только холодную, отстранённую спину.

Лишь когда Лу Чжиянь исчез в конце коридора, Су Няньань медленно поднял голову и посмотрел ему вслед. Слезы наконец сорвались и упали на оберег в ладони.

Он не знал, что Лу Чжиянь уже наказал тех слуг за его спиной. Знал только, что за всю свою обиду снова получил ледяной выговор. В этой роскошной вилле он навсегда оставался лишним — никому не нужным и никем не любимым.

<http://bllate.org/book/20587/2058875>